

Виктор САВЕЛЬЕВ

**Я БЫЛ,
Я ВИДЕЛ,
Я ЛЕТЕЛ...**

Репортаж и очерки разных лет

Вежи времени

Виктор Савельев

Я был, я видел, я летел...
Репортаж и очерки
разных лет. Вехи времени

«Издательские решения»

Савельев В.

Я был, я видел, я летел... Репортаж и очерки разных лет. Вехи времени / В. Савельев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936401-2

«Плох тот репортер, который не взобрался на слона!» — любит говорить автор сборника репортажей разных лет «Я был, я видел, я летел...» Виктор Савельев. Журналистика у него явно не «кабинетная». Газетчик то поступает инкогнито в театр для рассказа о закулисной жизни, то летает с пилотами в их кабинах, то заглядывает к пациентам психбольницы или проникает на военный корабль. «Лез в острые ситуации и передряги», — признается журналист, почему-то не назвавший этот сборник «Большой книгой репортажа»...

ISBN 978-5-44-936401-2

© Савельев В.
© Издательские решения

Содержание

ОТКРЫВАЙ НЕЗНАКОМЫЕ ДВЕРИ!	6
МАНИФЕСТ РЕПОРТЕРА	7
«Я БЫЛ, Я ВИДЕЛ, Я ЛЕТЕЛ...»	7
«Я НЕ ЗНАЛ, ЧТО ЛЮБОВЬ – ЗАРАЗА...»	12
ЧТО СТАНЕТСЯ С НИМИ, С БОЛЬНЫМИ...	17
1. Резиновые трусы	17
2. О Кашпировском, рэжете, КГБ	18
3. «Все шизофреники – готовые экстрасенсы...»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Я был, я видел, я летел...
Репортаж и очерки
разных лет. Вехи времени

Виктор Савельев

© Виктор Савельев, 2018

ISBN 978-5-4493-6401-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТКРЫВАЙ НЕЗНАКОМЫЕ ДВЕРИ! Предисловие автора к книге

Вот и новая моя книга готова к печати, она продолжила цикл ранее вышедших сборников «Я судебный репортер», «Я криминальный репортер», «Моя река», «Большая книга интервью», составленных из публикаций разных лет.

И хотя в новом сборнике «Я был, я видел, я летел...» верстовые столбы времени отмечены и очерками, и набросками разного рода, король этой книги – репортаж!

Многие годы я отдал репортажу. Был простым газетным репортером, пишущим о ярких событиях и буднях, поездках, встреченных людях и труде людей... Зачастую был, по западной терминологии, и «полицейским репортером», писал о криминале, охоте за преступниками и опасных делах, судебных процессах и местах заключения. Ездил при первой возможности в новые места, ибо дорога дарит темы. Лез в острые ситуации и передраги, спускался в штольни и в скафандре под воду, ходил с угрозой по трущобам, бывал как репортер в психушках, тюрьмах, больницах, вендиспансерах, ночевал у костров, в лесных избушках, стогах сена, летал рядом с пилотами и плавал на судах, гонялся за браконьерами на реке, искал острые сюжеты и неведомые грани в вещах обыкновенных...

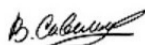
Сейчас мои прежние репортажи – разбросанные по подшивкам пожелтевших газет и десятилетиям – стали как хорошее выдержанное вино: в них только крепче аромат эпохи и времен, через которые мы прошли!

Даже сегодня многие публикации тех уже далеких лет живут какой-то особой самостоятельной жизнью, по-прежнему маня в неведомые миры. Ибо нет более захватывающего занятия, чем открыть незнакомую дверь, узнать из первых рук, попробовать «на зуб» и добыть то, к чему нет доступа никому, кроме журналиста.

Проницательный читатель заметил, что название моего сборника «Я был, я видел, я летел...» очень созвучно классической формуле репортажа «Я был. Я видел. Я участвовал». В книге вас ждет много такого, что вы не найдете ни у кого и никогда: я старался «летать» там, где другие не ходят.

И вот открытие: не самый главный из газетных жанров, репортаж оказался живуч – как те юркие обитатели Ледникового периода, которые пережили мамонтов и продолжили жизнь на Земле. Время безжалостно! Почти умер грузный очерк-мамонт. Не живет больше месяца политическая статья, обзор экономики... А столетней давности репортаж с отважного теплоходика на майской реке, где на корме девочка гладит глупую морду продрогшего щенка, может и сегодня читаться с тем же теплым чувством – ибо слова в нем живые, а глаз добрый!

Я много лет был рыцарем репортажа, удивительнейшего жанра газеты. Я очень рад подарить тебе эту книгу, читатель.

МАНИФЕСТ РЕПОРТЕРА

«Я БЫЛ, Я ВИДЕЛ, Я ЛЕТЕЛ...»

Размышления о несостоявшемся репортаже

ВЫЛЕТЕЛИ с опозданием на два часа... Это мотало душу. Но вот беспомощные на вид, тонкие винты слились в свистящий круг, вертолет подскочил. Плеснуло рябью из луж на бетонке – и мы, задирая «хвост», пошли вверх. В этот момент я с обреченностью человека, попавшего не в свой вагон, понял: не надо было лететь! Земля уже уносилась вниз, как футбольный мячик, распахивая во все стороны просторы рек и полей. Был на земле разлив вод, а в кабине через остекление пекло солнце. Я еще раз подумал – но вскользь, – что не стоило лететь, – и, откинувшись на скамейке, вытянул ноги...

За окошком Ка-26-го серебряным зеркалом блестела река. Я механически отметил для себя, что она разбросала осколки по полям.

Это надо запомнить!

Это может сработать, если умно вписать в текст.

Впрочем, текста, пожалуй, не будет – потому что еще до вылета я провалил репортаж...

С САМОГО начала дня всё, как сговорившись, шло наперекосяк. Сначала почему-то не дали вертолет – была какая-то накладка... Потом вертолет выделили, но срочно стали чинить у нас на виду. Отпущенное на полет время уходило, как вода в воронку! Кого-то искали и не скоро нашли, чего-то утрясали... Кто-то пошутил: будет удивительно, если после такого «веселого» начала мы не грохнемся на исходе дня или, на худой конец, не сломаем шасси...

Но самая беда, конечно, была не в задержке с вылетом.

Самая беда, что подвел начальник авиаслужбы Сизёмин, общительный и приятный человек. Мало сказать: подвел! Без ножа зарезал! Всю идею репортажа перечеркнул на корню (а собирался я лететь и тушить лесные пожары рука об руку со специальным, обученным десантником).

Вот как раз когда наш вертолет чинили, я и спросил:

– А десантник где во время полета сидит – в хвостовом отсеке вертолета?

– А не взяли мы на этот раз десантника, – беспечно отмахнулся Сизёмин и вытер платком вспотевший на солнцепёке лоб. – Да и зачем? Для пояснений я сам с вами полечу, да еще мы берем на борт проверяющего летчика комэска. Так что для десантника места не остается – с ним у нас получится перегруз...

– А как же пожары? – вскричал я, холодея от предчувствия. – Если мы встретим их, кто тушить будет?

– Да я же и потушу! – с готовностью разрешил каверзный вопрос Сизёмин и, очень довольный, помахивая папочкой с бумагами, пошел разузнать насчет времени отлета.

Я с тоской представил его с папочкой на пожаре. Не знаю, как лес, – а мой репортаж горел синим пламенем: вряд ли стоило уже куда-то лететь. Для сравнения: это все равно, как если бы в театре, куда ты прибежал писать про балерину, тебе сказали, что балерину уже отпустили домой, но вы не беспокойтесь – все ее «па» вам покажет сам директор... Я смотрел в широкую спину добродушно идущего Сизёмина и чуть не плакал: ну, удружил! Да не пишем мы про начальников, которые сами тушат пожары, и о прорабах, которым вдруг вздумалось схватиться за мастерок, – нетипично это, да и читателю такой клюквы не надо. В репортаже вообще нет ничего страшнее натяжки: это самый честный жанр, если подходить к нему серьезно и не варить из фактов лапшу.

НАВЕРНОЕ, за это я и люблю репортаж. Кто-то из теоретиков писал, что жанр этот более всего нужен тогда, когда общество испытывает обостренное желание честно разобраться в себе самом, хочет видеть «моментальные снимки» из собственной жизни – причем без романтической ретуши, без хитроумных монтажных сопоставлений и оговорок о степени типичности. Самые неожиданные, неприкрашенные факты вылезают из гуши жизни – если не поленишься отстоять пару смен с рабочим или испытать «на собственной шкуре», каково приходится в рейсе машинисту, летчику, шоферу. Нет для газетчика верней способа познать жизнь, чем горячий, живой репортаж с места. Помню, как-то пришлось неделю плыть по реке с рыбоохраной, мерзнуть и мокнуть на ветру с дождем, гоняться за браконьерами. И по мере того, как нарастал мой «рыбнадзорский стаж», стали отчетливо проступать все беды этой службы, так нужной на реке. Только репортер может честно рассказать, какое лицо бывает у инспектора рыбнадзора, когда он видит уходящего на хорошем моторе хищника-браконьера и не может запустить свой потрепанный казенный мотор. Это лицо не увидишь, не побывав в дозоре на реке. Всё остальное можно узнать в кабинетах. Или прочесть. Это – никогда! Это можно увидеть только собственными глазами. И рассказать, даже если это кому-то не понравится. Вот почему мы плывем и едем, едем и летим – даже когда остается мало надежд на хороший репортаж...

И ВСЁ ЖЕ надежда всегда есть! Поудобней устраиваюсь на скамейке вертолета и стараюсь не упустить ничего интересного: если не удастся рассказать о работе пожарного-десантника, то возможен какой-то другой поворот – надо только быть терпеливым и не упустить тот единственный шанс на успех, который – я верю – всегда подбросит репортеру жизнь. За окошком плывут побуревшие за зиму леса, в кабине такой гул от моторов и грохот, что разговаривать можно лишь на «повышенных» тонах. Вслушиваюсь в «беседу» Сизёмина и проверяющего летчиков командира, летящего в инспекторский рейс: ага, речь о том, что вертолет нам дали на этот раз санитарный – вон ремни для носилок приделаны к стенам. Одетый в авиаформу летный командир как раз подробно объясняет, как ставят в кабину гроб – бывают и такие печальные перевозки!

– Открой форточку! – кричит мне сквозь грохот Сизёмин, поймав мой взгляд, и показывает на стекло за моей спиной.

Я ОТОДВИГАЮ вбок плексиглас – в щель от движков влетает немыслимый грохот, но дышать стало легче: повеяло свежим ветром. Я подставляю ладонь под струю, направляя поток в потное лицо. Видно, видок у меня неважный – что-то плохо я стал переносить вертолет.

Нет, к черту! В последний раз лечу – баста!

Пускай кто хочет трясется на этих керосинках, лезет к черту на рога, изматывает себе душу...

Про себя – где-то в глубине души – я знаю, что это вранье: я столько себе говорил, что это в последний раз!

Сдавать рано, хотя когда-то придется...

Репортаж – это жанр выносливых, молодых и поджарых, с этим ничего не попишешь. Я не верю в мальчиков, которые говорят: быстро сбегаю на репортаж и через два часа вернусь. Репортаж и комфорт – разные вещи. Нужно до одурения натрастись на медленном, как гусеница, вертолете, или до синевы мерзнуть на сыром ветру с речниками или сорвать сердце, бегая с милицией в ночи, – только тогда найдутся краски, которые обожгут читателя. Репортаж, если он настоящий, всегда пишется ценой собственного здоровья. Или нервов. Или того и другого – и еще чего-то, чему цену еще никто не подсчитал.

«Я был, я видел, я участвовал!» – так учат нас теоретики жанра. Но что теоретики знают о риске или о том, в какой степени ты это участие должен проявить, скажем, если дружинник «берет» на танцплощадке дерущихся хулиганов? Одному из моих товарищей во время такого рейда съездили, например, по очкам. Репортаж – это не только жанр поджарых, но и умеющих спортивно увернуться от браконьерского весла, ведь есть ситуации, когда не спрашивают редакционных удостоверений. Помню, как сидели мы в лодке глухой полночью с рыбинспектором Назиром Атзитаровым перед затихшей и подозрительной старицей реки: катер наш с подмогой был далеко, а если здесь промышляют стерлядь – это народ тяжелый, им иски порой дают через суд до тысячи рублей. Таких просто не взять! Послушали тишину. Назир расстегнул кобуру ракетницы и подал мне фару. Ее и потушить не успеешь, если в протоке по ней влупят из ружья... На полном газу, ослепляя светом кусты, рванули на моторке в глухие закоулки между островами, понимая, что если в таком месте чего-нибудь случится, нас не скоро найдут...

Наверное, многое определяется тем, есть ли у тебя желание держать эту фару. И, верно, совсем другой накал бывает у репортажа, когда держишь ее сам...

ШЕЛ НЕСЧИТАННЫЙ час полета, когда летчик-наблюдатель Валерий Коннов сообщил через переговорное устройство:

– Вижу лесной пожар!

Поднимаю голову со скамейки, на которую прилет, и чувствую, что похожу на вытащенную на берег рыбу – налетался сегодня на вертолете на целый год. Но надо работать. Голова гудит от тряски и непрекращающегося шума движков, с тяжелым чувством пытаюсь разобраться в тех петлях, что выделяет наш Ка-26 вокруг лесного загорания. Сверху пожар не кажется значительным: горит молодая посадка, показывая красные язычки огня по краю большого выжженного пятна, сизый дым стелется от ветра над ближайшим склоном и проселочной дорогой.

Сизёмин и проверяющий комэск что-то кричат друг другу и машут руками. Наконец, Сизёмин наклоняется к моему уху:

– Сами пожар тушить не будем. Сейчас сядем в Караидели и организуем пожарный отряд из местных...

Я, не очень соображая, киваю головой: в Караидели так в Караидели, сейчас для меня самое время хоть на пяток минут вылезти на твердую землю, прийти в себя.

В КАРАИДЕЛИ, на зеленом и солнечном сельском аэродроме оглушает звенящая тишина. Пока из диспетчерской звонят в леспромхоз и ближайшие колхозы насчет людей и лесного пожара, я, чуть пошатываясь, иду на траву и ложусь под огромным голубым куполом неба, с которого мы только что свалились. Постепенно головная боль от моторов уходит, и я начинаю «подбивать бабки»: даже если сгрести в кучу все зарисовки с воздуха и картины загорания, то на репортаж не наскребешь: нет главного – людей в борьбе с огнем, какого-то смыслового поворота. Этих картин, конечно, хватило бы на хлипкую зарисовку с бодряческим концом: вот так, мол, товарищи, денно и ночью несет службу авиационная охрана лесов с воздуха...

Но это уже было. Было, и не раз.

И потом надо слишком себя не уважать, чтобы поставить свою подпись под таким твореньем.

ЛЕЖУ на траве и думаю, что это неудача. Еще одна несработавшая поездка – у меня довольно часто бывают ненаписанные репортажи. Значит, неверна моя теория насчет того всегда выручающего, пусть одного, но шанса.

Значит, сегодня такого шанса не было...

...Тяжелые шаги Сизёмина прерывают мои мысли. Он только что организовал местные власти на борьбу с огнем и теперь спешит проявить внимание к прессе, которую опекает вместо десантника.

– Ну, тракторист-то каков! – говорит Сизёмин подходя и качает головой. – И ведь эти, что на прицепе ехали, тоже ухом не повели...

– Какой тракторист? – ничего не понимаю я.

– Да разве не видели? – удивляется Сизёмин. – Там же на тракторе с прицепом мимо пожара люди ехали и не могли его не видеть, дорога-то от загорания совсем близко. А ведь мимо прокатили, куркули, ни один не спрыгнул. Я уж думал, не сесть ли вертолету возле трактора – да пристыдить их как следует...

– Да что ж вы не сели! – по вертолетной привычке громко кричу я и в отчаянии машу рукой: такой материал уехал вместе с этим укатившим трактором! Это же надо, ехали мимо – мимо своего же горящего леса! – и ни один не спрыгнул. Ни один! Да мне только полчаса дали бы поговорить с этим лихо укатившим трактористом, только полчаса...

– Времени мне было жалко на посадку, – конфузливо поясняет Сизёмин. – Если б знали, что вам это нужно, я бы дал команду... Мы ведь думали, что вы трактор тоже увидели, да и я его вам, вроде, с воздуха показывал...

ПЛЕТУСЬ в вертолет, ругая себя последними словами. Такой случай дважды не повторяется! Где теперь искать этих равнодушных людей, что сидели на прицепе и не вышли окопаться пока еще маленький, совсем нестрашный пожар? Мимо какого нравственного конфликта пронесла меня сегодня репортерская судьба – и всё потому, что я не смог рассмотреть с высоты маленький, как букашка, трактор!

И всё же у меня был шанс. Пусть единственный, пусть промелькнувший мимо – но шанс у газетчика всегда есть.

Надо только уметь не упускать то, что неповторимо.

...Мы летим в обратный путь над светлой лентой Павловского водохранилища, и я чувствую как бы второе дыхание: притерпелся все-таки к вертолету! Напротив меня сидит и скулит проверявший своего летчика комэск. Наклоняюсь к нему и кричу в ухо:

– А ваша эскадрилья чем занимается?

Он пытается ответить, но устав перекрикивать шум винтов, берет блокнот и пишет в нем подробную справку разборчивым аккуратным почерком. Прячу записанное себе в пиджак. Это может пригодиться. Это может привести на следующий репортаж. А значит, летал я не бесполезно.

Бесполезных полетов нет, так же, как нет бесполезных дорог.

И каждая дорога нам, газетчикам, что-то дает, даже если она не выливается в газетные строчки.

В. САВЕЛЬЕВ.

Источник: газета «Вечерняя Уфа», 4 мая 1986 года.

Боже, в какие места я хожу!

Фрагмент одной из публикаций

«Я НЕ ЗНАЛ, ЧТО ЛЮБОВЬ – ЗАРАЗА...»

Репортаж из серии «Если вы там не были, то не надо!»

Принимали меня здесь как дорогого гостя, исполняли все желания. О, бутерброды! О, чай! Захотелось бы мне коньяку – и за ним бы побежали. Сам Фельдман, Исумер Евсеевич, радушно подкладывал мне лучшие кусочки, а помогавшая ему женщина, застилая салфетку, повторяла, что все стерильно. Когда я захотел познакомиться с девочками, тоже не было проблем. Исумер Евсеевич взялся все устроить...

И вскоре Света, статная Света томилась за дверями и ждала, когда ее позовут. А потом ко мне привели Таню. Но Света была лучше – этакая дива с распущенными светлыми волосами, девятнадцати лет. Как бы сказал классик: знойная девушка, мечта поэта.

– Света, вы сексом занимаетесь с какого возраста?

Это не я! Я бы, признаться, не осмелился задать такой вопрос.

Света вздыхает и закатывает под челку глаза. Томно тянутся минуты. Ах, молодость, молодость! Кто не грешил...

А я сижу напротив Светы, а на коленях у меня папочка, где все о ней. Там черным по белому записано: «**Светлана К., 19** г. рождения. Сифилис вторичный, рецидивный...**» Света заразила Андрея, а потом второго Андрея. Того, что заразил Таню. Или наоборот... Тьфу, черт побери, кто кого заразил? Если по признаку вторичности и давности заболевания, то это был Миша из Ростова. Который бизнесмен. И с которым Света...

– Свет, когда Миша-то был?

Она твердо смотрит в пол:

– В последний раз он приезжал в Мелеуз в феврале этого года...

– Постойте, Света, вы же говорили, что к тому времени в Мише разочаровались? И познакомились с Андреем...

– Нет, с Андреем я давно была знакома. Просто на вечере в ресторане я встретила его с женой, потанцевали...

– Как с женой? Он же разведен и хочет жениться на Тане...

– А это другой Андрей. Вы разве не поняли?..

...Нет, со Светой каши не сварить, я прошу позвать Таню. Таня совсем другое дело: Света – лед и томное молчание, а Таня – живчик, этакий кудрявый говорун с карими глазами. Сегодня выписывается, а через неделю свадьба. С этим самым Андреем. Который познакомился и спал со Светой, а потом предпочел Таню.

– Таня, вы на Андрея не в обиде?

– С чего бы, мы любим друг друга!

– Так кто же вас заразил?

– Ну, разумеется, Яссо...

У нас с присутствующим врачом-венерологом вытягиваются лица...

– Какой Яссо? – бормочу я, чтобы прервать паузу. – Это что, имя такое?

– Ага. Он приехал с Кавказа открывать в нашем городе цех...

– А фамилия как?

– Я не помню. Нет, правда, не запомнила: у него очень длинная фамилия. Но он не виноват: не знал про болезнь. Я тоже не знаю, куда он уехал. Говорят, его видели в Стерлитамаке...

Пока я выясняю с Таней перипетии ее нелегких отношений с Яссо, а затем с Андреем, кто там и на кого обиделся, и вообще, кто с кем и когда, время пробежало. Таня спохватывается и просит:

– Ой, на укол опоздаю. Можно, я побегу?

Последние уколы – это святое. Мы отпускаем Таню, так и не уяснив, где искать ее прежнего друга Яссо. В общем-то, ситуация банальна, о ней писал еще пролетарский поэт:

**Уехал в брюках клетчатых.
«Где вы те-пе-рь...»
Кто лечит их?**

Впрочем, кто лечит Таню и ее подруг в республиканском кожно-венерологическом диспансере, мне уже известно. Сейчас из-за ремонта венерические больные лежат в кожном отделении у Исумера Евсеевича Фельдмана, а в обычное время они пациенты сидящего напротив зав. восьмым отделением Анатолия Севастьяновича Чурюкина (главного специалиста по «сифону», как образно отрекомендовал мне его знакомый медик). Оба эти врача – ветераны невидимого читателю фронта, лет этак по 20 с гаком борются с «венерой»... Впрочем, неугомонный Фельдман считает себя больше кожным, он небольшого роста, очень обходительный. Анатолий Севастьянович – напротив, из высоких и худых, с юморком. Все венерологи циники, жизнь воспринимают как есть. И показывают тоже.

Вот в кабинете уже знакомый нам Андрей. Чурюкин дает возможность полюбоваться характерной красноватой сыпью на его коже – и приказывает Андрею:

– Сними трусы и покажи...

Андрей снимает и демонстрирует то, о чем детишки пишут на заборах. На этом самом у него округлый шрам, оставшийся от «твердого шанкра» (сифилитической язвы на месте заражения) – подарок то ли Светы, то ли Тани... И дальний привет то ли от загадочного кавказского парня Яссо, открывателя цехов, то ли от делового ростовского Миши. Во всех случаях для врачей кожно-венерологического диспансера важно выявить всю «цепочку», чтобы прервать ее. Вот Анатолий Севастьянович только вернулся с востока республики, где одна мадам с сифилисом «облагодетельствовала» Учалы. На момент разговора медики нашли свыше сорока «контактных» и зараженных. Городок с небольшим населением по числу заболевших на расчетные 100 тысяч населения сразу выдвинулся на первое место, обогнав в этом прискорбном соревновании такие гиганты, как Стерлитамак и Уфа...

Приходилось ли вам, уважаемые, видеть генеалогические «древца» царей и наследных принцев, по которым можно проследить, кто от кого произошел и в каких родственных связях состоят члены династии? Так вот, при каждой вспышке сифилиса врачи-венерологи составляют нечто подобное – в диспансере передо мной развернули «учалинскую схему» половых связей и переданных друг другу бледных спирохет. «Древо» закручено не хуже, чем у Рюриковичей или династии Романовых – первая «эпидемцепочка», вторая, третья, перекрестные контакты, когда трудно сказать, кто и кого заразил. Некоторые кружочки в схеме с фамилиями – этих лечат. В других просто поэтичные имена «Артур», «Юра», «Андрей» – с пометкой «розыск».

– Беда в том, – растолковывает мне «учалинскую схему» С. А. Зилеева, зав. поликлиникой при диспансере, – что если не погасить «очаг», венерические заболевания разрастаются в геометрической прогрессии. Раньше «артуров» искала милиция, уклонявшихся от лечения привлекали по закону. Теперь МВД отстранилось, наши действия стали не так эффективны... Смотрите, кто разнес сифилис в Учалах: в основном, люди, беспробудно пьющие, не работающие, бомжи. У одной женщины сразу восемь половых контактов с малознакомыми мужчинами, которых она находила в скверике. Другая особа из той же «цепочки» дает сразу четыре контакта – вернее говоря, она их нам упорно не дает, сколько с ней ни беседовали: ее «кавалеры» сами к врачам побежали после бесед по радио... При таком контингенте нет полной уверенности, что мы распутали весь «клубок», – там уже и следствие ведется, потому что две женщины из зараженных сейчас убиты...

– А до того, кто занес сифилис в Учалы, добрались?

– У врачей складывается впечатление, что первоисточник был из Челябинской области, откуда до Учалов рукой подать. Там на рудник, говорят, одна девушка приезжала – в очень заманчивом виде. И обслуживала желающих...

Вспышку сифилиса в Учалах гасили всем миром: печать встревожилась, врачи, городской глава покоя не знал... Но до этого, в прошлом году, аналогичные вспышки были в Стерлитамаке, Салавате, Мелеузе – в последнем с распутыванием «клубочка» справились легко: источник был из одного загородного лагеря – порезвились на отдыхе ребятаки...

Скоро у меня голова пухла от цифровых характеристик люэса (так еще называют сифилис): 95 процентов заразились в алкогольном опьянении, 61 процент вступал в половые связи со случайными и вовсе незнакомыми людьми, велик процент тех, кто ведет аморальный образ жизни... Хотя от беды никто не застрахован: бывали в пациентах и известный чемпион, и художники, и господа артисты. К 1988 году болезнь, гуляющую по миру «волнами», в республике настолько извели, что даже стационар в Уфе на время закрыли. Сейчас мы на новом подъеме: только за восемь месяцев по республике выявлено 292 случая люэса против 194 прошлогодних, дали рост гонорея и так называемые паравенерические заболевания. И по прогнозам, мы еще даже не на гребне этой новой «волны»...

– Чтобы полностью покончить со вспышкой люэса, по мнению ученых, нужно лет 15—20! – размахивая бумажками, с энтузиазмом заявляет мне Чурюкин, и его бодрый вид не вяжется со словами. – Так и запишите себе: к 2010-му году мы с этим как раз и покончим. Если, конечно, жизнь не смешает карты...

Мы сидим в его кабинете на восьмом этаже, где солнце золотит корешки старых книг по дермато-венерологии, отпустив всех пациентов. И хотя я доподлинно знаю, что уже через сутки после уколов больные становятся не опасны для окружающих, к стульям и другим предметам прикасаюсь с опаской. И чаю как-то не хочется...

– Да вы не беспокойтесь, – словно угадав мое состояние, утешает Анатолий Севастьянович. – Сифилис хоть он и вызывает у общества бурную реакцию, но пугаться незачем: это же не грипп, когда гражданин чихнул в автобусе – и сорок человек оказались на больничных койках... За много лет практики я встречал единичные случаи заражения через общую посуду, полотенце, сигарету: инфекция передается преимущественно половым путем... Вот здесь надо иметь голову на плечах – еще на флоте в молодости нас боцман учил при увольнении на берег: «Ребята, осторожны будьте, не наматывайте на винт...». И хотя портовый город был, бойкий, не помню, чтобы из матросов кто-то заболел. Зато хорошо помню, сколько случаев сифилиса дали нам во время вспышки 70-х годов рабочие общежития Черниковска – мы тогда об этом не писали, боялись обидеть гегемона. А все идет от бездумья, низкого интеллекта. Кончит парень смену – делать и нечего. Вот он выпил, покурил – и выходит в парк с двумя бутылочками винца. Там девочки встречают: «Разрешите прикурить, дяденька...»

Чурюкин знает, что говорит: эту вспышку 60-70-х годов он с коллегами на плечах вынес – в лечебном заведении, стыдливо замаскированным тогдашними властями Уфы под больницу №2 на ул. Севастопольской. И когда он рассказывает – и про прежних пациентов, и про нынешних «малолеток», не боящихся ни черта, ни бога, я невольно вспоминаю ушедшую из кабинета Таню. Она тоже без комплексов, «раскованная». Но как притихла она, когда Анатолий Севастьянович стал говорить, что в дальнейшем, чтобы родить здорового ребенка, ей будет необходим профилактический курс лечения пенициллином во время беременности. Она даже как-то съежилась и постарела лицом:

– Я ведь никогда не думала, что это может случиться именно со мной. Мне всегда казалось, что сифилис – это где-то далеко...

И тогда я подумал, что у нее с Андреем очень серьезно, быть может, они нашли друг друга – и эта встреча на всю жизнь... Только смогут ли они забыть, каким диагнозом были повенчаны их чувства? Смогут ли жить, не страшась последствий случившегося?

**Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума,**

– однажды написал великий лирик совсем по другому поводу, не подозревая, какой ужасный смысл можно вложить в его слова...

...Пришел Исумер Евсеевич Фельдман – и повел меня в палаты. Обычные комнаты с кроватями, где палаты «кожников» порой соседствуют с уже не заразными «венериками». Унылый быт: вот папа из соседней палаты в гости зашел к семье – хлопочет молодая женщина (у всех жен здесь застывшие глаза), в углу на койке приткнулась златокудрая девочка лет полутора, сушатся колготки... Когда спирохету приносит один, порой болеют целыми семьями. Иногда детей привозят прямо из роддома – тех, что заразились в утробе матери и родились маленькими сморщенными старичками, лишенными подкожной жировой клетчатки. («Мы однажды лечили пятидневного «Пушкина», – вспомнил кто-то из врачей, – прозвали его так, поскольку был он Александром Сергеевичем. Еще смеялись: вылечим – новый Пушкин вырастет...») Бывает и наоборот – не замеченная вовремя у ребенка болезнь годами таится, чтобы потом обнаружиться у цветущего двадцатипятилетнего парня...

– Много здесь нарушающих порядок? – спрашиваю я у Фельдмана, когда он пытается отобрать карты у четверых «венерических», сунувших запретную колоду под одеяло.

Он вздыхает и только машет рукой:

– Тут поначалу не больницу строили, а общежитие – нет общего коридора, блочная система, персоналу не уследить за каждой палатой. А народ там, где «венера», поверьте, очень тяжелый. Я каких только чудес не нагляделся...

Из диспансера злостных нарушителей выдворяют «под надзор» в закрытый стационар, где замки, охрана... Но случаев не убывает: то в палате кто-то выпил, то два кожных больных увели «венеричку» в посадку за корпусами, то закатила «концерт» невинная на вид школьница, приведенная в лечебницу мамой за ручку... А на окне у Фельдмана разорванная и мятая история болезни: пьяный муж разгневался, когда на обследование положили жену. Деликатный Исумер Евсеевич надеется, что когда-нибудь войдет этот протрезвевший муж в кабинет, увидит содеянное – и устыдится...

Уходя из больницы, я все не мог отделаться от чувства, что все увиденное – какое-то наваждение... Конечно, цифры заболеваемости люэсом по республике не так уж велики – ноль целых, семьдесят три сотых человека на 10 тысяч населения, как сказал Чурюкин... Но врачи встревожены: диаграммы роста отразили кризис общественной морали, свертывание санпропаганды. Грядут неожиданные последствия сексуальных взрывов и освоения отечеством всех эротических извращений и достижений мирового опыта. Лет пять назад разве слышали мы о гонорее гортани? Или о вензаболеваниях тринадцатилетних? Или о том, что гонококки настолько приспособились к лекарствам, что уже, несмотря на одиннадцатикратные дозы, двоих из десятка любителей пикантных «приключений» не вылечишь обычным способом и нужны особые методы?

...На конечной остановке дул холодный ветер – бредя по улицам, я не сразу заметил, как стемнело и город начал зажигать огоньки. У каких-то освещенных дверей, где всюду шло торжество, крутились люди, подкатывали такси, слышался говор и смех. От веселящейся подпитой толпы отделилась фигура:

– Братан, не найдешь огоньку?

Я посмотрел на девчонку: начес, томный взгляд, в руке с облупленным маникюром сигарета... Ее подруга, дымя, уже цепляла командированного мужичка. Нет, баста: на сегодня никаких интервью с «группой риска»!

– Ты знаешь, не курю, – устало сказал я.

Боже, что за день! В какие места я хожу!.. Сохрани и помилуй...

Виктор Савельев,

репортер «Советской Башкирии».

Источник: газета «Советская Башкирия», 19 октября 1993 года.

ЧТО СТАНЕТСЯ С НИМИ, С БОЛЬНЫМИ...

Заметки из Республиканской психиатрической больницы

1. Резиновые трусы

– Хотите поговорить с «контактерами»? – спросил меня Юрий Александрович Анохин, главный психиатр Минздрава республики.

– С какими? – удивился я.

– Ну, с теми, кто общается с «внеземными цивилизациями», – пояснил врач.

Мы сидели в кабинете республиканской психиатрической больницы и говорили о том, что в психике пациентов этого специфического лечебного учреждения, как в зеркале, отражаются все аномалии нашего общества. Только отражение это, подобно кривому зеркалу, искажает до неузнаваемости черты...

Привели женщину – назовем ее по соображениям врачебной тайны Ларисой Ивановной Н. Пока врачи готовились к разговору, мне поведали ее историю: очень культурная, очень начитанная женщина – и эта болезнь...

– Расскажите, с чего началось, Лариса Ивановна...

Она потупилась:

– Я уже говорила, что несколько месяцев назад мне вдруг стало словно жечь ногу, потом пошло выше. Я не сразу поняла, что это меня подзаряжают энергией – «черной энергией» из космоса... Поначалу мне казалось, что невидимое существо, которое на меня воздействует, очень маленькое. А потом оказалось, что это не так – оно даже показало мне свой рост...

– И когда же, Лариса Ивановна, вы поняли, что на вас воздействуют пришельцы? – терпеливо уточнил один из врачей.

– Мне стало ясно, когда я прочла статью в центральной газете, – обрадовалась Лариса Ивановна, как радуемся мы, когда несем новое знание людям. – Оказывается, в Москве есть такая комиссия «Феномен». Вот этим людям кто-то позвонил и сообщил, что пришельцы из космоса готовятся захватить Землю. Я как прочла про их методы воздействия, так сразу мне стало ясно...

Статья из «Труда» лежала перед врачами, ее подошью к истории болезни. Коллега-журналист не поленился напугать обывателя ужасами экспансии из космоса: здесь были и сгустки «черной энергии», проникающие в землян, и смертоносный «пояс безумия», и зонды над планетой, и тайные происки чужих миров... Наверное, ни один институт еще не провел исследование о воздействии таких «сенсаций» на умы людей. И бедная Лариса Ивановна с ее уже болезненным состоянием стала одной из жертв космических кошмаров. Для начала она пыталась «заземлиться» и защититься от «подпитки энергией» резиновыми сапогами, как от тока. Но «воздействие» шло не только от земли – и она сшила себе резиновые трусы и надела на голову резиновый колпак. А вскоре накрыла все тело резиновым балахоном, который уже не помогал: помогающий ее невидимый «пришелец» уже проник в ее волю и душу и управлял всеми поступками...

С публикации из психиатрической больницы начался этот номер правовой газеты «Версия».

Когда ее вводили в палату, Лариса Ивановна попросила проверить ее на СПИД.

– При чем тут СПИД? – успокаивали ее врачи. – Ведь по мнению уфологов, нас хотят захватить более высокие по развитию цивилизации: там СПИДа нет...

– А я еще не разобралась, что за существо мной овладело. Вдруг оно земное? – сокрушалась Лариса Ивановна. – Но мне кажется, что мной управлял биоробот...

Самое любопытное, что до того, как очутиться в психиатрической больнице, Лариса Ивановна обзвонила занимающихся «космическим вторжением» уфологов из московского общества и Уфы, причем уфимский коллега москвичей потребовал у нее фотографию и подробные объяснения для экспертизы: положительные ли у нее контакты с космосом или отрицательные? У него самого, по его собственным словам, контакты были только положительными... Однако не будучи специалистами в этих вопросах, мы отметим для репортажа одно: зачастую на людей, склонных к психическим расстройствам, оказывает мощное влияние то, чем пугает нас телевидение, радио, газеты и предсказатели всех мастей... Уже родился новый термин – пока не совсем научный, но точный: информационный психоз...

2. О Кашпировском, рэжете, КГБ

Врачам-психиатрам, кстати, это хорошо известно. Ю. А. Анохин как-то пошутил:

– Если на телевидение внедрить опытных спецов по психическому воздействию, то при нашей вере экрану через год из общества можно сделать все, что угодно: хоть полудиотов...

В этой горькой шутке большая доля истины. Только что мы провели беседу с больной С. – три года назад она заболела после сеансов по телевидению А. Кашпировского. Передачи давно закончились, но Кашпировский «продолжает управлять» всей жизнью С., успокоение она находит лишь во время сна.

– Вы не хотите сделать заявление для газеты, – спросили ее врачи. – Быть может, попросите Кашпировского не терзать вас, перестать вами командовать?

– Я хочу его попросить об этом, – заколебалась больная, – да боюсь...

– Чего боитесь?

– Рэжета! – она пугливо понижает голос. – Боюсь, что Кашпировский после этого начнет мстить. Он ведь связан с КГБ, все может...

Эта мешанина из КГБ и рэжета могла бы вызвать улыбку, если бы за ней не стояла трагедия молодой, еще недавно нормальной женщины, ее семьи... Хлынувшая на нас лавина разоблачений из средств массовой информации сыграла недобрую службу для многих пациентов психбольницы – «агенты КГБ» в невиданных для любой спецслужбы количествах «подглядыва-

вают и подсматривают» за многими душевнобольными, упорно «преследуют» самих пациентов и членов их семей... В бреде помутившегося сознания иные сенсации приобретают уродливые и страшные формы. Недавно в одном из московских психдиспансеров больной, прочитав в центральной прессе статью о каких-то недоплатах в лечебно-трудовых мастерских, порешил двух врачей, «восстанавливая справедливость»...

Еще больший урон понесла психиатрия от того, что в пылу разоблачительных статей и передач газеты и телевидение вольно или невольно создали в общественном сознании однобокий образ врачей-психиатров – этаких зажимщиков прав человека и пособников репрессий. Беда в том, что непрофессионализм многих публикаций и недооценка труда большинства честных медиков были приняты за чистую монету – люди стали сторониться больниц и психиатров, меньше обращаться к ним. Информационный психоз, которому мы все в какой-то мере подвержены, пугающие жупелы больше всего сказались именно на тех, кто как раз нуждается в помощи.

– Сейчас в больницу очень много поступает тех, кто глушит себя алкоголем, – рассказал Ю. А. Анохин. – Пьют так, как не пили ни в годы застоя, ни в перестройку – алкогольный психоз в тяжелой форме у каждого третьего, поступающего к нам... И что же? Мы бросаемся спасать попавшего в беду, вкачиваем в него на несколько тысяч рублей дорогих импортных лекарств и, сняв тяжелое состояние, предлагаем дальнейшее лечение... Но, придя в себя, такой пациент, как правило, посылает нас подальше, берет бумагу и пишет заявление об отказе от лечения в психбольнице... Видно, карательный ореол, которым нас окружили в последние годы, еще долго будет служить недобрую службу и нам, и в конечном итоге – обществу.

3. «Все шизофреники – готовые экстрасенсы...»

Видно, говоря о проблемах психиатрии, нельзя обойти молчанием, что у нее появился коммерческий двойник. И тех отшатнувшихся от врачей пациентов, о которых мы говорили выше, сначала потихоньку начали прибирать различного рода йоги, экстрасенсы, гипнотизеры, целители и целые центры «знатоков душ», стремящихся захватить – как ни цинично это сказано – рынок психиатрических услуг. Лечить душевные хвори оказалось настолько выгодным, что сюда – наряду с теми, кто серьезно овладел нетрадиционными методами, – хлынуло немало любителей выкачивать большие деньги из легковерных больных. Заглянешь в газеты – как грибы растут курсы и семинары, обучающие желающих таинствам тибетского и любого целительства и выдающие после короткого экспресс-обучения дипломы чуть ли не международного образца...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.